

Геннадий Дмитриев

**ТАЙНА ПОРТРЕТА
НЕИЗВЕСТНОЙ ДАМЫ**
роман

Геннадий Дмитриев

**Тайна портрета
неизвестной дамы. Роман**

«Издательские решения»

Дмитриев Г.

Тайна портрета неизвестной дамы. Роман / Г. Дмитриев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969546-8

Этот роман продолжает тему, поднятую в повести «Апостол Иуда». Сюжет основан на поиске тамплиерами документов, имеющих непосредственное отношение к учению Христа и его судьбе. В работе Майкла Бейджента «Святая кровь и святой Грааль» упоминается, что рыцари-тамплиеры обладали документами, указывающими на то, что Христос не был распят. Эта работа положена в основу известного бестселлера Дэна Брауна «Код Да Винчи». Предлагаем читателю иной взгляд на тайны тамплиеров и события библейских времен.

ISBN 978-5-44-969546-8

© Дмитриев Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	10
Иосиф	16
Розалина	18
Жрец	22
Варавва	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Тайна портрета неизвестной дамы

Роман

Геннадий Дмитриев

© Геннадий Дмитриев, 2019

ISBN 978-5-4496-9546-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Все, что здесь написано, не является бредом, рожденным безумной фантазией автора, в основу романа легли исследования, догадки, предположения историков, изучавших далекие от нас события, произошедшие на заре христианства. Естественно, вымысел в романе присутствует, это не историческое произведение, в котором все должно быть основано на данных, признанных исторической наукой достоверными. Форма произведения позволяет пользоваться информацией, не обязательно признанной официальной наукой, но вписывающейся в логику событий того времени.

Исследователи утверждают, что в библиотеке Ватикана хранится письмо Понтия Пилата императору Тиберию, в котором прокуратор убеждает императора в том, что некий проповедник, Иисус из Назарета, не призывает к борьбе против Римской империи, а наоборот, учит народ любви и смирению. Как следует из письма, разговор между Понтием Пилатом и Иисусом состоялся еще до того, как тот был схвачен, судим Синедрионом и направлен к прокуратору для принятия окончательного решения по его делу. А если дело обстояло именно так, то не мог Понтий Пилат отдать на казнь человека, в невиновности которого он убеждал императора, этим он бы расписался в своей некомпетентности и не знании реальной обстановки в данной ему в управление Иудее.

Если письмо прокуратора императору Рима является ответом на запрос о возможной угрозе восстания, исходящей от некоего проповедника (иначе, зачем Понтию Пилату писать Тиберию о нем?), то можно предположить, что прежде, чем вызвать Иисуса для беседы, прокуратор мог дать задание своим людям следить за Иисусом, записывать его речи и обо всем докладывать прокуратору письменно. Выполнить данное поручение было бы несложно, поскольку Иисус проповедовал открыто, перед массой людей. А тогда должен существовать документ, в котором отражено учение Христа в том виде, в каком оно было представлено в его проповедях, записанное непосредственным участником событий тех лет, в то время как Евангелия были составлены спустя столетия, и не могут считаться исторически достоверным документом. На этом предположении и выстроен сюжет романа.

В библиотеке Ватикана находится документ, относящийся к апокрифам, Евангелие от Иоанна, ученика Христа. В нем нет жизнеописания Иисуса, изложено лишь его учение. Основатели церкви сочли его еретическим и не включили в состав Святого писания. Существует также и документ, содержащий учение Христа на старославянском языке, хранится он в Австрии, в библиотеке Габсбургов. Происхождение этого документа неизвестно. Часть текста, под названием «Евангелие мира от Иисуса Христа» опубликована в Ростовском книжном издательстве. Исходя из этого, предположения, сделанные автором романа, не кажутся столь фантастическими.

В романе описаны библейские времена, средние века и близкие к нам годы двадцатого века. Сюжет построен на поиске документов, содержащих учение Христа, тамплиерами в средние века и продолжении поисков в наше время.

Орден тамплиеров, пожалуй, один из самых таинственных и могущественных тайных сообществ, до сих пор окутан множеством домыслов и легенд. Что искали тамплиеры? Этот вопрос не имеет однозначного ответа, по общепринятой легенде, объектом их поисков был Святой Грааль, кубок из которого пил Иисус Христос во время тайной вечери со своими учениками, и Копье судьбы, то самое, которым римский сотник Лонгин пронзил тело Христа, распятого на кресте. Легенда гласит, что тот, кто владеет этими реликвиями, имеет полную власть над миром.

Утверждают, что и Гитлер искал эти реликвии, и вроде бы поиски эти увенчались успехом. Неизвестно, действительно ли Гитлер обладал этими мистическими реликвиями, которые

должны были обеспечить ему мировое господство, но достоверно известно, чем закончились его притязания на власть надо всем миром.

Если тамплиеры искали эти святыни с той же целью, что и фюрер третьего рейха, попробуем немного отвлечься от мистики и проанализировать их поиски с точки зрения теории управления.

Тамплиеры создали мощную военную организацию но известно, что они создали еще и кредитно-финансовую систему ростовщичества, дающую им власть, которая распространялась и на королей, кредиторами которых они, рыцари-ростовщики, являлись. Этот орден был, по сути, инструментом надгосударственного управления в Европе.

Оставим открытым вопрос о том, какую мистическую власть может дать обладание святыми реликвиями, но реальной властью обладает тот, кто владеет информацией, такой информацией могли быть документы, содержащие истинное учение Христа и свидетельствующие о том, что Иисус из Назарета не был распят и, следовательно, не воскресал, что противоречит догматам христианства. Обладая такими документами, тамплиеры могли бы получить власть и над церковью, возможно, притязания на такую власть и стали причиной их устранения.

В пользу того, что Иисус Христос не был распят, говорит ряд документов, среди которых Святое писание мусульман – Коран. Если мы доверяем христианским источникам, то у нас нет основания не доверять источникам мусульманским. Мусульмане объясняют данное противоречие между Евангелиями и Кораном тем, что народ, видевший распятие Христа был подвержен массовым галлюцинациям, в романе предлагается иной вариант, менее мистический, распят был Иисус, но не Назарянин, а Варавва, которого также считали мессией, Христом. То, что вместо Иисуса Христа был распят кто-то другой, говорит и Евангелие, хранящееся в Стамбуле, в нем сказано, что вместо Христа был распят Иуда. Ученые подтверждают подлинность рукописи, но церковные иерархи ее не признают. Существует еще и Евангелие Иуды, где сказано, что Иисус был предан Иудой в руки Синедриона по просьбе самого Иисуса.

Эти рукописи написаны уже после тех событий, о которых они повествуют, через 100—200 лет. Они не вписываются в догматы христианства и потому не признаны каноническими, но, вполне вероятно, что они не являются вымыслом и отражают определенную долю истины. На основе этих документов можно предположить, что Иуда не предавал Христа, и что вместо Христа был распят кто-то другой. Автор романа выдвинул версию, согласно которой распят был Иисус Варавва. Эта версия нашла свое отражение в повести «Апостол Иуда», здесь она получила дальнейшее развитие.

Ирина Хотина, а также французский писатель Робер Амбелен в книге «Иисус или смертельная тайна тамплиеров» делают предположение, что Иисус не был сыном плотника Иосифа, а сыном Иегуды Галилеянина, поднявшего восстание против римлян после смерти Ирода Великого, именно он посвятил Иисуса в назореи. Иосиф после гибели Иегуды, взяв младенца Иисуса и его мать Марию, бежит в Египет, спасаясь от преследований. Сыновья Иегуды Галилеянина Симон и Иаков были казнены. Но если это так, то речь может идти только об Иисусе Варавве, поскольку Иегуда Галилеянин мог посвятить своего сына в секту аскетов лишь с одной целью – продолжить вооруженную борьбу против поработителей.

Правда, в этом случае родословная Иисуса оказывается не соответствующей Евангельской, но вполне годна для мессии, который мог происходить не только из рода Давида, но и из ветви левитов. Наличие родословной в евангельских текстах вообще противоречит догмату христианской религии о непорочном зачатии, ведь если он был зачат от духа святого, и Иосиф не был его отцом, то к чему так тщательно выписывать родословную?

Возникают и другие вопросы, на которые евангельские тексты ответа не дают. В Евангелии сказано, что священники искали случай, чтобы расправиться с Христом. Возникает вопрос: зачем? Чем не устраивал их этот проповедник, которых было не так уж мало, существовало множество сект, по-своему толкующих Завет, но они все как-то уживались меж собой

и не вели войн на уничтожение. Почему нужно было убить Христа? Ни одно Евангелие не дает нам ответа на этот вопрос, но если предположить, что в качестве Христа, Мессии, люди воспринимали не только Иисуса Назареянина, а и Иисуса Варавву, то все становится на свои места – может быть лишь один Мессия, и этим одним должен быть Варавва, поскольку священники поддерживали идею вооруженного сопротивления римскому владычеству. Эта мысль и нашла свое отражение в романе.

Евангелист Лука пишет, что Понтий Пилат отправил Иисуса Назареянина к Ироду Антипе, поскольку тот был родом из Галилеи, вотчины тетрарха Антипы. У прокуратора с тетрархом были непростые отношения, даже враждебные, но после того, как Ирод Антипа вернул Иисуса обратно Пилату, их отношения наладились. Возникает вопрос: В чем была причина враждебных отношений прокуратора и тетрарха, и почему они так вдруг нормализовались?

Из Евангельских текстов нам известно, что Ирод женился на вдове своего брата, чем нарушил принятые обычаи, это послужило причиной резкой критики Ирода Антипы со стороны известного проповедника Иоанна. Жена тетрарха, Иродиада, добилась того, чтобы он казнил Иоанна. Но это были еще не все последствия необдуманного поведения Ирода. Перед смертью Ирод Великий, отец Антипы, женил его на дочери набатейского царя, полагая, что этот брак поможет наладить нормальные взаимоотношения между набатейским царством и Иудеей, но Ирод Антипа своим браком с Иродиадой лишь усугубил противоречия, набатейский царь Арета счел оскорбительным подобное поведение Антипы и напал на Галилею. Войска Ирода были разгромлены, и лишь вмешательство римлян спасло самого тетрарха и Галилею.

Соправителям иудейских земель римский кесарь разрешал держать войска для того, чтобы они выполняли задачи по безопасности границ римской империи, но Ирод Антипа не только не справился с этой задачей, он свел на нет все усилия римлян по укреплению границ. Естественно, Понтий Пилат, служивший кесарю и честно выполнявший свой долг, не мог проявлять дружеский чувств к тому, кто своим бездумным поведением приносит больше вреда, чем пользы римской империи. Но почему отношения между ними наладились после того, как Ирод Антипа вернул прокуратору Иисуса Назареянина?

Автор романа выдвинул предположение, которое кажется вполне логичным. Если Понтий Пилат знал о готовившемся восстании, но не имел достаточно сил для его подавления, он мог обратиться к Ироду Антипе, тетрарху Галилеи, с просьбой оказать военную помощь в случае восстания, поскольку основные воинские формирования римлян находились достаточно далеко, в Сирии у римского легата. Просьбу прокуратора (именно просьбу, поскольку тетрарх Галилеи был соправителем и не подчинялся напрямую прокуратору Иудеи) передал кто-то из тех, кто отправился сопровождать Иисуса к Ироду Антипе. Ирод прибыл в Иерусалим на праздник и привел войска, что и способствовало налаживанию взаимоотношений между ним и Понтием Пилатом. Это всего лишь версия автора, никакими историческими документами она не подтверждается, но кажется достаточно обоснованной.

В средневековом периоде романа сделана попытка показать процессы управления на примере поиска рукописей. Иерофанты, осуществляющие глобальное управление, названы «Бесмертными», это лишь название, не претендующее на истину. Хотя, жрецы древнего Египта, выходцы из Атлантиды, обладали способностями, не свойственными простым людям, и воспринимались в качестве богов, скорее всего, продолжительность их жизни намного превышала продолжительность жизни обычных людей.

В романе показано некое противодействие глобальному управлению в рамках библейской концепции. Если Эхнатон выдвинул концепцию альтернативную той, что проводило в жизнь египетское жречество, то со свержением Эхнатона (есть предположения, что умер он не своей смертью) должны были остаться приверженцы его концептуальной идеи. Таинственный персонаж, старик, называющий себя жрецом Атона, олицетворяет идею, противостоящую идее Глобального управления.

Поиски истины продолжаются и в двадцатом веке, обнаружение истинного учения Христа, не обремененного религиозными догматами, сегодня актуально как никогда. Церковь отрицает возможность построения Царства Божия на Земле, несмотря на то, что в молитве, которую дал Иисус людям, известную, как «Отче наш», сказано: «Да будет царствие твое на Земле, как и на Небе». Коммунизм, против которого теперь ополчились даже те, кто недавно преданно служили идее построения бесклассового общества, свободного от эксплуатации, является ересью традиционного христианства, именно коммунизм ставит своей целью построение на Земле Царства Божьего.

В романе использованы материалы о Третьем рейхе, которые официальная история признает вымыслом, речь идет о нацистской базе в Антарктиде, куда якобы было вывезено то, что представляло собой научный потенциал фашистской Германии, опередившей в ядерных исследованиях и СССР и США. Возможно, база 211 это миф, но сегодня серьезные историки уже не отрицают существование Четвертого рейха. О том, что война будет проиграна, руководство Третьего рейха поняло еще до поражения под Сталинградом, и начало готовиться к построению Четвертого рейха. Создавались трансконтинентальные корпорации на основе Германского промышленного капитала, создавались сетевые структуры нацистских организаций, вывозились научные кадры и оборудование, все делалось для того, чтобы сохранить офицерский корпус СС, золото партии и золото Рейха.

В романе нет мистики, все, что описано автором, вполне могло происходить и в далекие времена Иисуса Назарянина, и в средние века, и в двадцатом веке. Возможно, какие-то из тех событий, о которых говорится в романе, действительно произошли, по крайней мере, они не противоречат логике и не опровергнуты историческими документами. Легкое подобие мистики представляет собой оболочка романа в виде пролога и эпилога, но кроме темы реинкарнации, которая подтверждается рядом исследований современных ученых, и полностью мистической считаться не может, никакой иной мистики нет.

Пролог

Часто, не видя закономерностей общего хода вещей, все происходящее с нами воспринимаем мы, как цепь случайных событий, никак не связанных между собой. Мы не подозреваем, что те события, что кажутся нам случайными, были предопределены нашими поступками или поступками окружающих нас людей много лет назад, возможно, в той, иной, прошлой жизни, от которой порой не осталось ничего, кроме странных, неразгаданных снов, временами посещающих нас. И лишь иногда, ощутив нечто необычайное, неуловимое, как легкое дыхание утреннего ветерка, всплывшее где-то из глубин подсознания, останавливаемся мы посреди пути, пытаюсь осмыслить жизнь нашу, казавшуюся нам чередой случайных совпадений. Мы замираем, боясь упустить то, что внезапно явилось нам из далеких веков, нечто легкое, почти невесомое, как некое пророчество, смысл которого еще сокрыт от нас грубой пеленой действительности. Но время идет, оно тает, теряется, мы забываем о нем, и лишь иногда вспоминаем, услышав забытые звуки, запахи, блики света на воде, мерцание далеких звезд.

Дождь. Снова дождь. Бесконечный, серый, унылый, будто умирающая осень плачет этим монотонным дождем. Капли его медленно ползут по стеклу, искажая пространство, перечеркнутое косыми полосами, как листок школьной тетрадки. Снова дождь. И снова не будет писем. Их не было сегодня, вчера, и позавчера, их нет уже целую неделю. Воскресение. Никуда не нужно спешить, можно целый день сидеть у окна и смотреть, как истекает дождем хмурая, печальная осень. Уже и листьев на деревьях почти не осталось; они опали, прохожие втоптали их в грязь, и дворники смели в кучи. Дождь, снова дождь; за окном лужи, покрытые мелкой рябью, да мокрые ветви деревьев, с которых капает вода.

Сегодня в музее Западного искусства открывается выставка фламандских художников. Только три дня. Лучше сходить на выставку, чем смотреть на этот дождь. Все равно, сегодня не будет писем. Худенькая старушка в синем плаще уже час назад разнесла почту. Как неохота выходить на улицу, ветер бьет дождинками по щекам, сырость проникает под кожу. На улице мало людей, они сидят в теплых квартирах и смотрят на этот дождь, лишь немногие, которых что-то важное выгнало за порог в эту ненастную, пронизанную ветром и дождем осень, медленно бредут по лужам. Вот и остановка троллейбуса. Он подходит, обдавая людей водой и грязью. Кто-то ругается, кто-то молча вытирает запачканную одежду, и все стремятся втиснуться в узкую дверь, чтобы не оставаться здесь, под этим мелким, холодным дождем. В троллейбусе тепло, пассажиры протирают ладонями запотевшие стекла, стараясь разглядеть в мутном пространстве за окном свою остановку. А вот и его – «Музей Западного искусства», пора выходить.

Он взял билет, повесил в гардеробе мокрый плащ, и вошел в зал, полный тайны, заключенной в древних, написанных рукой известных и неизвестных художников, полотнах. Он переходит из зала в зал, смотрит на мир, давно уже умерший, отшумевший, как эта осень, застывший в потускневших красках, покрытых сетью паутинок, картин. Он вглядывается в лица людей, живших сотни лет назад, любуюсь природой, не израненной шрамами дорог, смотрит на закаты и рассветы, не закопченные дымом фабричных труб. Один портрет особо привлек его: дама, в длинном, красном платье, с густыми черными, падающими на обнаженные плечи волосами, стоит у перил лестницы; одна рука ее небрежно касается перил, другой она поддерживает платье. Она спускается по ступеням, нога в позолоченной туфельке уже сделала шаг, появившись из-под края платья. Глаза ее, светящиеся тайным, зеленоватым светом, смотрят на него в упор.

Он узнал ее сразу, это была она, та, от которой он уже целую неделю ждет письма. Взгляд, поворот головы, тонкая прядь волос, упавшая на лоб, печальная улыбка, застывшая в уголках губ. Не дыша смотрит он на портрет. Откуда она здесь, среди картин семнадцатого века? Кто

мог изобразить ее? Надпись под картиной гласит: «Портрет дамы. Неизвестный художник». Он не заметил, как подошла женщина, служащая музея, и что-то спросила, потом тронула его за рукав, – он обернулся и посмотрел на нее отрешенным взглядом.

- Что с Вами, молодой человек? Вы уже больше часа стоите у этой картины.
- Эта картина, – ответил он. – Откуда она у Вас?
- Выставка передвижная, картины собраны из разных музеев, если хотите, я уточню.
- Уточните, пожалуйста, я подожду.

Она ушла, а он остался наедине с картиной, написанной неизвестным художником три века назад. Смотрел на нее и не мог двинуться с места. Наконец вернулась служащая музея, и сказала:

– Эту картину мы получили из Рошанска, возможно, там есть более точные сведения о ней.

Рошанск, там живет она, та, от которой он ждет письма. Она живет там сейчас, а картина написана в семнадцатом веке, во Фландрии, расположенной за тысячи километров от Рошанска.

– У Вас есть проспект выставки с фотографиями картин?

– Есть, вот, пожалуйста, – женщина протянула ему проспект, напечатанный на глянцевой бумаге.

Он взял его, нашел картину неизвестного художника, но и в проспекте оказалось информации не больше, чем в табличке под картиной.

– Неужели никто не может установить имя автора полотна? – спросил он.

– Авторы обычно ставят свою подпись вот здесь, в углу, – показала служащая музея на нижний угол картины, – но на этой нет подписи, здесь только какие-то цифры. Ни один искусствовед не смог определить назначение этих цифр.

– Возможно, цифры нанесены позднее, как номер в чьей-то коллекции?

– Нет-нет, возраст цифр соответствует возрасту картины.

– А по стилю, хотя бы предположить можно, чьей кисти может принадлежать она?

– Из всех известных нам мастеров никто так не писал.

Он уже тогда решил, что непременно полетит в Рошанск, каждое утро туда отправляется самолет, «Ту-124», прилетает из Рошанска поздно вечером, а утром улетает обратно, только бы не отменили рейс из-за погоды. Он купил проспект у служащей музея, поблагодарил ее, и вышел в дождь. Через два квартала от музея, в полуподвале старого здания с потемневшей, местами облупившейся краской, отмеченного тусклой медной табличкой: «Памятник архитектуры», – касса «Аэрофлота». Летом здесь выстраивается очередь, хвост торчит из полуподвала, но сегодня нет желающих улетать в эту серую, дождливую осень. Он взял билет, и отправился на почтамт, дать телеграмму, предупредить, что завтра утром будет в Рошанске. Почему она не пишет? Почему? Он взял бланк телеграммы, отошел к столику, обмакнул перо в чернильницу, и стал писать адрес, но пока обдумывал текст большая капля, сорвавшись с капюшона плаща, упала на бланк, буквы расплылись. Он смял бланк недописанной телеграммы, выбросил в корзину, откинул капюшон плаща, и взял другой бланк, аккуратно заполнил его, подал в окошко. Девушка за полупрозрачным окошком, пересчитав слова, сделав какие-то пометки на бланке, назвала сумму, получив деньги и отсчитав сдачу, она положила телеграмму в папку, где уже лежали другие.

– Скажите, – спросил он, – можно надеяться, что адресат получит телеграмму сегодня вечером?

– Надеяться всегда можно, сейчас отправим, а когда доставят – не знаю, не от нас зависит.

Домой он шел пешком, под дождем, по лужам, по вымокшим улицам, и ненастная осенняя погода, и резкий, пронизывающий ветер, и летящие навстречу капли дождя – все это создавало ощущение какой-то нереальности мира. Почему-то никак не выходил из головы случай

с каплей, упавшей на бланк телеграммы. Может быть, не стоило ее посылать? Может быть, вообще не стоит лететь в Рошанск? Ну, почему нет писем? Как она оказалась там, на картине? А может, это только бред больного воображения? Случайное сходство, какие-то общие черты, подмеченные вдруг, в состоянии нервного ожидания, а воспаленное подсознание, где постоянно присутствует ее образ, дорисовало остальное? Дома он открыл проспект, и вновь стал всматриваться в картину: нет, ошибки быть не может – это, несомненно, она. Не только внешнее сходство поразило его, было в образе женщины, запечатленном неизвестным художником на холсте, что-то большее, неуловимое, но говорящее, что это была именно она; она, и никакая другая, похожая на нее внешне.

Всю ночь он не мог уснуть, за окнами шуршал дождь и завывал ветер, раскачивая фонарь на столбе, отчего по комнате, по стенам и потолку качались неясные, смутные тени. И снова капля, упавшая на бланк телеграммы, всплывала в памяти дурным знамением: может, не нужно было давать телеграмму? Не нужно лететь в Рошанск? Нет, нужно. Он подумал, если завтра отменят рейс по причине нелетной погоды, то он просто сойдет с ума, если еще пребывает в здравом рассудке. Перед самым утром он провалился в беспокойную темноту сна, и тут же зазвенел будильник.

Еще было темно, и все также шел дождь, и сонный, полупустой автобус вез его в аэропорт. Вопреки опасениям, рейс не отменили, самолет вылетел вовремя, и когда он пробил облака, впервые за последние две недели перед глазами возникло чистое голубое небо, солнце, и казалось, что этот хмурый, пасмурный осенний мир существует лишь в больном воображении. Но когда самолет снизился для захода на посадку в аэропорту Рошанска, ненастная дождливая осень вновь охватила его.

В аэропорту его никто не встретил, и он поехал к ней, нашел улицу, на которой ни разу не был, название которой лишь читал на конвертах, нашел дом, подъезд, поднялся на второй этаж, позвонил. Дверь долго не открывали, затем послышался тяжелый кашель, дверь отворилась, и возникла она, с воспаленными глазами, закутанная в пуховый платок.

– Проходи быстрее, раздевайся, телеграмму я получила, но не могла приехать в аэропорт, простудилась. Целую неделю лежала с высокой температурой, даже на письмо твое ответить не смогла, вот только сейчас встала.

Она поила его на кухне горячим чаем, а он рассказывал ей о картине, потом показал проспект выставки, и ту самую картину неизвестного художника. Она долго всматривалась в портрет дамы, написанный три века назад, и сказала:

– Не может быть! Это действительно я? Странно, но кто же я тогда? И кто она, эта дама?

– Я поеду в музей, покажу им проспект, они должны знать что-то больше, по крайней мере, должны же знать сотрудники музея, как эта картина оказалась у них.

– Я с тобой!

– Но ты же больна, не надо тебе сейчас выходить на улицу, там холодно, сыро и дождь. Кажется, этот дождь идет во всем мире.

– Мне уже лучше, и температуры почти нет, я обязательно поеду, ведь это же мой портрет!

В музей они поехали на такси, старая «Волга» с плохо работающим отоплением салона слабо защищала от осенней сырости, но все-таки это было лучше автобуса. Сотрудница музея, дежурившая в зале, ничего вразумительно ответить не могла.

– Вам нужно обратиться к искусствоведу, Ирине Сергеевне, возможно, она что-то знает об этой картине, идемте, я провожу вас к ней.

Ирина Сергеевна, полноватая женщина средних лет, с аккуратной прической и выразительными черными глазами, долго рассматривала репродукцию в проспекте, затем сказала:

– А Вы действительно похожи на нее, поразительное сходство. У нас есть еще одна картина этого художника, правда, она сильно пострадала во время пожара, никто не брался ее реставрировать, но сейчас нашелся мастер, он ей занимается.

– Какого пожара?

– Картины попали к нам после войны, из Германии, их обнаружили в частной коллекции полковника СС, он, по всей вероятности, вывез эти картины из Франции. Дом полковника горел, как и многие дома при штурме города, часть картин сгорела полностью, часть серьезно пострадала.

– А ту, другую картину можно посмотреть?

– В зале картины нет, она еще в мастерской, но работа над ней практически закончена, можете посмотреть, на ней тоже есть эта дама, но... там по-другому.

Ирина Сергеевна провела их в мастерскую. Картина называлась «Суд инквизиции», на ней также была эта дама, с той, первой картины, глянув на нее, он вскрикнул. Не было богато-красного платья, лишь грязное рубище прикрывало истерзанное тело женщины, напротив стоял инквизитор, вытянув руку вперед, он произносил обвинительную речь, справа и слева от него сидели два монаха.

– Боже мой! – воскликнула она, целую минуту она неподвижно вглядывалась в картину, потом, оттолкнув его, закрыла лицо руками, повернулась к нему, убрала руки от лица. – Ведь это ты! Посмотри! Посмотри! Нет, не может быть!

Он всмотрелся в лицо инквизитора, и окаменел... В образе инквизитора он узнал себя. Он молчал, не понимая, что происходит, она плакала.

– Что это? – спросил он.

– Существует легенда, – сказала Ирина Сергеевна, – жила в одном замке знатная дама, инквизитор влюбился в нее, но она отвергла его любовь, тогда он обвинил ее в колдовстве и предал суду.

– Что с ней стало?

– Ее сожгли на костре.

– Но почему они так похожи на нас? Почему так тягостно на душе? Что это, может ли кто объяснить?

– Вы слышали об реинкарнации? Возможно, в прошлых жизнях вы были именно теми, с кого неизвестный художник написал эти картины.

– Я никогда в это не верил, – ответил он, – считал, что все это вымысел, сказка.

– А я верила! – сказала она, вытирая слезы. – Я всегда верила, но никогда не думала, что это так ужасно, узнать все о своей прошлой жизни.

Они вышли из музея, на улице по-прежнему шел дождь, на душе было тяжело и тоскливо, они были раздавлены своими прошлыми жизнями. Она долго стояла молча под дождем, потом повернулась к нему и сказала:

– Я помню, помню все. Мне часто снится один и тот же сон, будто меня сжигают на костре, я ощущаю страшную боль и задыхаюсь от дыма. Оказывается, это все уже было со мной, я просила у Бога только одного – дождя, чтобы дождь пошел и погасил этот костер, но дождя не было, был ясный солнечный день, так страшно жег огонь, а люди смеялись, и все подбрасывали, и подбрасывали хворост. Тогда я прокляла тебя, я пожелала, чтобы ты когда-нибудь сгорел на таком костре! Прошу тебя, уходи! Уходи! И никогда, никогда больше не приезжай, не пиши мне! Я ненавижу тебя! Уходи!

– Скоро мой самолет, прости, я поеду в аэропорт.

Она сняла капюшон, подставила лицо и ладони дождю.

– Как хорошо, когда идет дождь! Как хорошо!

– Что ты делаешь!? Ты же простудишься! Сейчас же надень капюшон!

Она повернулась к нему, надела капюшон, и прижалась мокрыми от слез и дождя щеками к его лицу.

– Прости меня, прости, пожалуйста, я сама не знаю, что говорю. Ты ни в чем не виноват, все это было в той, другой жизни, а теперь мы встретились, чтобы исправить ошибки. Ты вернешься ко мне, насовсем?

– Вернусь, обязательно вернусь.

– Я провожу тебя в аэропорт.

Уже стемнело, когда они приехали в аэропорт. Воспаленный, простуженный город плакал печальными слезами, лужи отражали желтые огни фонарей, рейс задерживали.

– Вот видишь, – сказал он, – и самолет простужен, он не хочет нас разлучать.

Она смотрела на лужи, на отражение фонарей, и молчала.

– Поезжай домой, кто знает, как надолго задержится рейс. Незачем тебе стоять под этим дождем, ты и так простужена.

Она посмотрела на него серьезным, полным боли и печали взглядом, и сказала:

– Ты даже не представляешь себе, как хорошо, когда идет дождь. Тогда дождя не было. Я помню все-все, словно это было вчера.

– Это было давно, в другой жизни.

– Но это было. И ты послал меня на костер. Зачем ты это сделал? Зачем?

– Я не знаю, я не помню ничего из той жизни. Я никогда бы не поверил в это, если бы не картина. Я знаю только одно, что я люблю тебя, и никогда тебя не брошу и не предам.

– Но ты предал. Тогда, в той другой жизни. Ты предал, а я прокляла тебя. Прости, я говорю чушь, ты ни в чем не виноват, ты не можешь отвечать за то, что было в той, другой жизни.

Она снова прижалась к нему мокрыми щеками.

– Идем в зал, не надо стоять под дождем, – сказал он.

– Нет, не надо в зал. Я не могу, я не хочу видеть людей. Они все смеялись и бросали хворост в огонь. Почему они это делали? Им было весело? Скажи, почему? Разве может быть весело, когда человека вот так, живьем сжигают на костре?

Он молчал, прижимая ее к себе, сказать было нечего, ведь он ничего не помнил из того, что было в той, иной жизни. А может, ничего и не было? И все это только бред ее больного воображения, просто схожесть образов на картине? Он хотел сказать ей это, но не мог.

– Идем под козырек, не надо стоять под дождем.

Она согласилась, они стояли, пока последний автобус не подошел к остановке.

– Езжай, – сказал он, – это последний, другого не будет. Она посмотрела ему в глаза и тихо сказала:

– Мы встретимся, мы обязательно встретимся. Дай мне телеграмму, когда прилетишь, обещаешь?

– Обещаю. А ты напиши мне, я так долго жду письма, напишешь?

– Напишу.

Она села в автобус, у окна, и помахала рукой. Он помахал в ответ, автобус тронулся и увез ее в темную осеннюю ночь, он прошел в зал. Посадку объявили далеко за полночь, и пассажиры, прикрываясь от дождя зонтами, сумками и ладонями, шли по лужам, полным ночных фонарей, к трапу.

В самолете было тепло и уютно, а на улице все так же лил дождь, капли его разбивались о фюзеляж, о крылья, они вскрикивали, умирая, и крик этот сливался в сплошной гул. Потом запустили моторы, и не стало слышно ни шума дождя, ни завывания ветра. Самолет выруливал, мягко покачиваясь на стыках плит, он вырулил на взлетную полосу, моторы взревели, и самолет, вдавливая в кресла тела пассажиров, начал разбег. Он оторвался от земли и нырнул в сплошную темноту облаков. Самолет пробил облачность, набрал высоту и лег на курс. Уба-

юканный теплом и мерным гулом моторов, утомленный бессонной ночью и событиями дня, он задремал.

Очнулся от яркого света и жара. Сквозь иллюминатор было видно, как пламя вырывается из левого двигателя, салон заполнял едкий, удушливый дым. Там, внизу, на земле, как и прежде, шел дождь, вверху, на фоне ясного неба сияли звезды, а между небом и землей разгоралось пламя костра, последнего костра инквизитора.

Иосиф

Пламя свечи трепетало, порождая на стенах кельи зыбкие, дрожащие тени; словно призраки, возникшие из давних, забытых времен, окружали они Иосифа, навевая страшные, крамольные мысли.

Иосиф отложил Библию, встал, подошел к иконе с изображением Иисуса Христа. Перед иконой тускло, коптящим пламенем, горела лампада.

– Почему? Почему? – спросил он, обращаясь к лику Иисуса. – Подвиг твой, смерть твоя и воскресение твое даны нам через предательство Иуды и отречение лучшего ученика твоего, Петра? Если бы Иуда не предал тебя, не было бы и спасения? Ты пришел в мир, чтобы умереть за грехи наши. Знал ли ты, что один из учеников твоих должен предать тебя?

Предательство и спасение. Почему связаны они неразрывной нитью? Ибо, если нить эту разорвать, то не будет подвига твоего во имя людей, не будет исполнена воля пославшего тебя, не будет ничего, если поцелуй Иуды не обожжет щеки твоей. Почему, ответь? Разве светлый подвиг непременно должен быть предварен грязным и подлым грехом предательства и отречения лучших из тех, кого выбрал ты, чтобы несли они людям слова твои?

Если бы Иуда не прельстился тридцатью сребрениками и не предал бы тебя в руки мучителей твоих, что бы было тогда, скажи? Вся вера христианская, церковь твоя, надежды народа на жизнь вечную, на царство небесное – все это стоит на страшном грехе предательства, не искупленным тобой, ибо имя Иуды проклято в веках. А если и этот грех искупил ты смертью своею, то получается, что предательство освящено подвигом твоим?

Что означает искупление греха? Не прощение, а искупление? Если искупил ты грехи человечества, значит, не несет человек более ответственности за содеянное им? Пусть не сейчас, а там, в прошлом, когда люди еще не были изгнаны из рая, ведь дал ты людям свободу выбора, значит, дал и ответственность за выбор, а если снимаешь ты ответственность с людей, то лишаешь их свободы, того, что сам им дал?

Иисус не отвечал Иосифу, смотрел на него с иконы светлыми, чистыми глазами и молчал. Иосифу стало страшно от своих мыслей, ему показалось, что он сходит с ума, не находя ответа в Библии на вопросы, возникающие в воспаленном мозгу. Что делать? Спросить у отца Варфоломея? Нет, нельзя, нельзя спрашивать такое, он знал, ответа не будет, будет осуждение, наказание и изгнание из семинарии, но ответа не будет, только он, Иосиф, сам должен найти ответ на этот страшный вопрос.

В двери кельи раздался тихий стук, Иосиф обернулся, двери отворились, в келью вошел отец Варфоломей.

– Извини, что прервал молитвы твои, один старец, человек весьма почтенный, желает видеть тебя. Иди за мной, я проведу тебя нему.

Они вышли во двор, где в самом углу, под широко раскинувшим листья платаном сидел старик в черной монашеской одежде, когда отец Варфоломей подвел Иосифа к старцу, тот поднялся со скамьи, сделал шаг навстречу им, поклонился отцу Варфоломею и попросил оставить их с Иосифом одних. Старец долго смотрел в глаза Иосифу, а потом сказал:

– Я знаю, какие мысли не дают покоя тебе, какие вопросы мучают тебя. Придет время, и ты получишь ответ. Тебе дана будет большая власть, много испытаний выпадет на долю твою, пред тобой будут преклоняться и трепетать повелители иных народов, но после смерти твоей имя твое будет опорочено надолго, однако придет время, когда истина восторжествует.

– Кто ты? Отчего ты решил, что такая судьба мне уготована?

– Это решил не я.

– А кто?

– Ты, – старец прочел стихи:

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне —
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»¹

— Это твои стихи?

— Мои, — ответил Иосиф.

— Это твоя судьба, ты сам определил ее, каждый человек имеет от Бога свое предназначение на Земле, но только он сам может выбрать, идти ли ему дорогой, предначертанной Богом, или другим путем. Написав эти стихи, ты выбрал свой путь, и пройдешь его до конца, и придется тебе испить чашу отравы, поднесенную теми, ради которых ты прошел свой путь. А ответ на свои вопросы найдешь ты в древних рукописях, где записаны слова Иисуса из Назарета, называемого Христом, Спасителем. Слова эти записал помощник Понтия Пилата, которому тот велел следить за проповедником и записывать все его речи, обращенные к народу. Кесарь требовал от прокуратора отчета о том, кто подбивает народ на восстание против Рима, кесарю доложили, что некий проповедник, по имени Иисус, призывает народ к восстанию. Все Евангелия написаны спустя века после событий тех лет, а эти рукописи написаны свидетелем тех событий. Рукописи эти искали, чтобы уничтожить, но не нашли, обнаружил их один странствующий художник, он спрятал их в горах Франции. На двух его картинах зашифровано место, где хранится рукопись, кто найдет эти картины, тот и узнает, где сокрыта истина. Я должен был сказать это тебе, а теперь прощай, да благословит тебя Бог!

С этими словами старец повернулся и направился к выходу, но Иосифу показалось, будто он растворился в воздухе, не дойдя до ворот.

¹ Стихи Джугашвили, перевод с грузинского, опубликованы в газете «Иверия», в 1895 году.

Розалина

Виконт Рене де Ламбер жил в уединении, в своем замке, построенном на высоком холме, среди диких лесов, у самой реки, полукольцом охватывающей подножие холма. Был он уже не молод, но еще и не стар, волосы, тронутые ранней сединой, борода с проседью и черные, опущенные ниже губ усы, да усталые серые глаза выдавали человека, умудренного жизненным опытом, склонного к одиночеству и неторопливому образу жизни. Некогда удачливый рыцарь, баловень судьбы, постоянный участник всех балов и ристалищ, победитель турниров, он неожиданно для всех, довольно рано оставил службу у короля и уединился в своем замке, навсегда уйдя из светской жизни, и вскоре был бы забыт, если бы не одно обстоятельство.

Большой любитель цветов, виконт де Ламбер, заполучив саженцы роз, привезенные рыцарями с Ближнего Востока во время одного из крестовых походов, устроил в своем замке великолепный розарий, собрав все известные на то время сорта. Об этом розарии было известно всей Фландрии и Франции, и знатные вельможи время от времени навещали виконта, чтобы полюбоваться великолепной коллекцией роз. Ухаживал виконт за розами сам, не доверяя этого деликатного дела садовнику.

Но главным украшением замка де Ламбера была, несомненно, его прекрасная дочь, по имени Розалина. Воспитывал ее виконт один, жена его, красавица Луара, блиставшая на королевских балах, исчезла при невыясненных обстоятельствах. Обладая даром, унаследованным ею от прабабки, она могла лечить людей травами, заговорами и прочими средствами, которые вполне могли навлечь на нее гнев инквизиции, но она не только избегала преследования со стороны церковных иерархов, но и пользовалась их покровительством, избавив от тяжелой болезни одно влиятельное духовное лицо, пожелавшее остаться неизвестным. Однажды, собирая травы, она ушла в лес и не вернулась. Поиски не дали никаких результатов, прелестная Луара исчезла таинственным образом, не оставив никаких следов.

Это странное трагическое событие и послужило причиной уединения виконта, пережившего страшное потрясение. Всю свою любовь, предназначавшуюся Луаре, он отдавал своей дочери и розам. Дочь виконта, Розалина, с трех лет оставшись без матери, воспитанная отцом и старушкой-няней, выросла и превратилась в прекрасное юное создание, оберегаемое отцом, как самый драгоценный цветок. Ее черные, густые, волнистые волосы падали на плечи, а в глубине зеленых глаз отражались темные чащи лесов. Беззаботная детская веселость ее сменилась легкой грустью и печалью по непознанной, но желанной первой любви. Виконт чувствовал, что настала пора вывозить дочь в свет, но боялся этого и всячески оттягивал тот момент, когда ему придется представить это, не знавшее лжи и грязи создание, на обозрение погрязшего в интригах и кутежах двора.

Розалина унаследовала от матери дар лечения людей, обнаруженный совершенно случайно, когда смертельно раненая диким вепрем во время охоты ее любимая собака, которую лекарь, сочтя безнадежной, оставил умирать, вдруг выздоровела, возвращенная к жизни легкими прикосновениями рук плачущей Розалины. Не зная названий трав, она чувствовала их лечебные свойства и собирала, высушивала их, готовя различные отвары и настойки. Узнав о проявлении дара, отец запретил ей пользоваться им, собирать травы и лечить кого-либо, помня историю ее матери. Но, несмотря на запрет, она продолжала тайно делать то, к чему побуждал ее дремавший до времени, и проявившийся однажды, природный дар.

Как-то раз, ранним утром, когда отец Розалины уединился в розарии, ухаживая за цветами, она выскользнула за ворота замка и направилась в лес, собирать травы и полевые цветы. Увлечшись, она зашла далее, чем обычно, и набрела на бегущий среди камней ручей, которого прежде никогда не видела. Ей показалось, что родник, дающий начало ручью, где-то совсем рядом, и она побежала вверх по течению, в надежде отыскать источник. Птицы весело щебе-

тали над ней, молодые зеленые листья нежно касались ее волос, она смеялась, приветствуя лес, птиц, деревья и этот ручей. Забыв о времени, бежала и бежала она вдоль ручья. Остановилась она на зеленой поляне, под скалой, покрытой мхом и лишайником, из расщелины которой и бил родник, дающий начало ручью.

Поляна упиралась в скалы, далее поднимался склон горы, поросший густым лесом. Вершины не было видно, она терялась где-то в зеленой листве, сквозь которую пробивался солнечный свет, падая на поляну тремя лучами, сверкающими в мириадах брызг, поднятых небольшим водопадом. Вода, вырвавшись на свободу из расщелины у вершины скалы, пролетев несколько метров, падала на каменный уступ и, соскользнув с него, летела до самой земли, разбивалась о камни, устремляясь вниз бурным потоком. Розалина восторженно смотрела на внезапно открывшуюся картину, и вдруг поняла, что заблудилась. Можно было бы вернуться вниз по течению, но она никак не могла припомнить, где, в каком месте, вышла она к этому ручью, она испугалась и заплакала. Трагическая история матери вспомнилась ей, испуг превратился в страх, страх в ужас. Она застыла, не в силах двинуться с места, мыслей не было, и когда слева от скал, где-то на склоне горы раздался неясный шум, который приближался с каждой минутой, она решила, что кто-то идет, чтобы убить ее.

Ветви деревьев раздвинулись, и на поляну выехал всадник на серой лошади, в серой простой одежде, черезседельные сумки из серой грубой ткани висели позади седла, на поясе всадника черной кожей отсвечивали на солнце ножны меча. Розалина окаменела, вся сжалась, ожидая самого худшего. Когда он спешился, придерживая меч рукой, и шагнул к ней, она вскрикнула, и застыла, прижав руки к губам.

– Не бойтесь меня, – улыбнувшись, сказал незнакомец, – я не разбойник, я просто странствующий художник.

Розалина молчала и смотрела полными страха глазами на его меч.

– Говорю Вам, не бойтесь, я не причиню Вам зла, – незнакомец подошел ближе, и Розалина смогла, наконец, разглядеть его. Он был высок, строен, крепок в плечах, светлые волосы, падающие на плечи, были перетянуты на лбу лентой, глаза, показавшиеся Розалине серыми, оказались голубыми, весь вид его внушал доверие и спокойствие. Он смотрел на нее и улыбался. Розалина наконец-то пришла в себя и слабо, сквозь еще не высохшие слезы, улыбнулась в ответ.

– Что с Вами? – спросил незнакомец. – Вы плакали? Может, кто обидел Вас?

– Я... – Розалина огляделась растеряно, – я... я просто заблудилась, пошла в лес и вдруг поняла, что не смогу отыскать дорогу назад, к дому.

– А где же Ваш дом?

– Я живу в замке де Ламбера.

– Виконт де Ламбер?! – воскликнул незнакомец. – Кем Вы приходите к нему?

– Я его дочь, – ответила Розалина, и ответ ее привел всадника состоянию восторга и удивления.

– Вы знаете моего отца? – спросила она, увидев, какое впечатление произвел на незнакомца ее ответ.

– Я не имею чести знать его лично, но слава первого рыцаря королевства прочно закрепилась за этим именем. Кроме того, слухи о прекрасном розарии его замка бродят далеко за пределами Франции. Я художник, и мечтаю посмотреть, хоть краешком глаза на это чудо, созданное руками Вашего отца.

– Вы увидите его, я обещаю, если, конечно, поможете мне добраться домой.

– Не беспокойтесь, сударыня, мы легко отыщем дорогу к замку Вашего отца. Садитесь на лошадь, я пойду рядом.

Незнакомец помог Розалине взобраться в седло и сказал, обращаясь к лошади:

– Ну что, Ромина, довезем прекрасную сударыню до замка ее отца? Ступай осторожно, не оброни нашу прелестную спутницу.

– Ее зовут Ромина? – засмеялась Розалина. – Как мило! А меня зовут Розалина, но как же Ваше имя, храбрый рыцарь?

– Мое имя – Гаральд, но я вовсе не рыцарь, я художник.

– Но, если Вы художник, то зачем же Вам меч? – спросила Розалина.

– Я ведь не просто художник, а художник странствующий, дороги в наше время небезопасны, вот и приходится иметь при себе не только кисти и холсты, но и оружие.

Розалина успокоилась, сама не зная почему, она вдруг прониклась доверием к молодому человеку, так вовремя появившемуся на лесной поляне, когда она, потеряв всякую надежду отыскать дорогу домой, пребывала в отчаянии. Молодой человек, назвавшийся Гаральдом, довольно хорошо ориентировался в лесу, безошибочно определив, непонятно каким образом, направление к замку де Ламбера. Верховая езда была привычна для Розалины, отец с детства приучал ее к езде на лошади, фехтованию и другим наукам, считавшимся занятием мужчин, рассудив, что девушке, выросшей без матери, нужно уметь себя защитить. Но сейчас на ней вместо костюма для верховой езды было длинное платье, и она располагалась в седле той дамской посадкой, при которой удержать равновесие было возможно только при спокойном поведении лошади. То ли почувствовав это, то ли вняв словам своего хозяина, Ромина шла безупречно спокойно, осторожно переступая через камни и корни деревьев, спускаясь по склону горы. Такое поведение лошади не требовало от Розалины напряжения, чтобы удержать равновесие в седле, и она, склонив голову набок, с интересом рассматривала молодого человека, ведущего лошадь за повод. Странное, не испытанное прежде чувство возникало в ее душе при виде этого спокойного, сильного, красивого и уверенного юноши.

Он рассказал ей, что возвращается из путешествия, из дальней страны на Ближнем Востоке, где много лет назад произошли события, связанные с возникновением христианства. Гаральд делал эскизы древних городов: Иерусалима, Вифлеема, Назарета; берегов Мертвого моря, и других мест, где родился, жил и странствовал с учениками Иисус Назаретянин. Рассказывал он увлеченно, страстно, так, будто бы сам был свидетелем тех давних, изменивших мир, событий.

Розалина, слушая его, все более проникалась симпатией к этому, много успевшему повидать на своем недолгом веку, странствующему художнику. Так, незаметно, они вскоре добрались до замка виконта де Ламбера. Сам виконт, встревоженный отсутствием дочери, встретил их у ворот. Розалина представила отцу своего спутника, умолчав об обстоятельствах их знакомства и своем безрассудном поступке, который мог бы иметь весьма печальные последствия, если бы не эта необыкновенная встреча.

Виконт был польщен тем, что слава о его розарии разнеслась далеко за пределы страны и, узнав, что художник хотел бы сделать несколько эскизов, которые, возможно, лягут в основу картины, предложил ему пожить несколько дней в замке. Розалина была несказанно рада такому решению отца, поскольку молодой художник все более волновал ее, и когда тот согласился на предложение виконта, щеки ее вспыхнули румянцем и она, смутившись, убежала к себе наверх.

Старый слуга виконта, по имени Готфруа, седой, суровый воин, сопровождавший его во всех былых походах, провел Гаральда в отведенную ему комнату, чтобы тот смог отдохнуть и переодеться к обеду. Туда же отнесли и его вещи. Гаральд расстегнул сумки, выложив эскизы, холсты, кисти, краски, аккуратно разложил их; затем он достал одежду, выбрал тот, единственный костюм, вполне достойный для торжественных случаев. Однако, пролежав длительное время в довольно тесной черезседельной сумке, костюм изрядно помялся, Гаральд позвал слугу и попросил его привести измятую одежду в приличный вид. Он волновался: внезапная встреча с прекрасной незнакомкой, заблудившейся в лесу, приглашение виконта про-

вести несколько дней в его замке, были столь неожиданны, что путешественник, привыкший преодолевать трудности и опасности, был несколько растерян, он опасался, что его внешний вид окажется недостойным общества прекрасной девушки и ее благородного отца.

Но опасения его оказались напрасны, через некоторое время слуга вернул ему костюм безупречном состоянии. Гаральд успокоился, он оделся и вошел в зал, где уже был накрыт стол.

Жрец

Гаральд де Гир происходил из древнего рода, берущего начало от западных славянских племен, что проживали когда-то на острове Руян², прадед Гаральда, Дарий, занимал в крепости Арконы³ пост военачальника, и после того, как войска короля Дании Вальдемара штурмом взяли Аркону, а Дарий погиб в неравном бою, семья его была вывезена с острова, и дед Гаральда был усыновлен графом де Гиром. Что стало с родственниками, оставшимися на территории острова, никто не знал.

Граф Азар де Гир, следуя традиции своего рода, в совершенстве овладел воинской наукой, которую старался передать своему сыну, Гаральду, мечтая о том, что сын, продолжив дело своего отца, станет воином. Но Гаральд, охотно и с легкостью осваивая воинское мастерство, все свободное время отдавал рисованию. Отец не препятствовал увлечению сына, рассматривая его, как необходимые, но бесполезные детские забавы, потребность в которых с возрастом проходит. Но желание стать художником не оставляло юного графа, хотя отец считал, что заниматься этим всерьез не подобает дворянину, потомственному рыцарю, воину, и никто из них не знал, что судьба готовит Гаральду совершенно иное предназначение, чем предполагал отец, и к чему стремился сын.

Однажды Гаральд рисовал пейзаж горной долины. Высокие, крутые скалы, поднимающиеся к небу, пики вершин, уходящие в облака, зеленая растительность долины и горный поток, водопадом слетающий со скалы, возникали на холсте четкостью и ясностью линий под кистью художника. Где-то вдаль Гаральд заметил фигуру путника, идущего по долине в его сторону, силуэт его, как нельзя кстати, оживил природу горной долины, и тут же возник на холсте.

Когда путник приблизился к художнику, тот поклонился, приветствуя его, и путник ответил на его приветствие, остановившись около холста. Путником оказался человек неопределенного возраста с седой бородой и длинными седыми усами, но удивительно светлым, не изрезанным старческими морщинами лицом. Он был в дорожном плаще с капюшоном, в руках держал посох, но ни мешка за плечами, ни сумки, обычно висящей через плечо, при нем не было. Попросив разрешение взглянуть на холст, он похвалил работу художника, лестно отозвавшись о таланте молодого человека.

– Ты мог бы стать знаменитым художником, и люди, столетия спустя, вспоминали бы твое имя, – сказал он Гаральду, – ты мог бы стать рыцарем, военачальником, одержать победы над врагами, и тем прославить имя свое в веках. Но иная участь суждена тебе, ты исполнишь великую миссию, но имени твоего не останется в памяти людей.

– Кто так решил? – встревожено спросил Гаральд.

– Каждый человек на этой земле имеет свое предназначение, и определено оно Богом, но только сам человек может решать, следовать ли Божьему предназначению, или же идти иным путем.

– Что же это за предназначение, если и имени моего никто не вспомнит? – удивился Гаральд словам путника.

– Не в славе людской заключается промысел Божий, но если людская слава прельщает тебя, то ищи ее и найдешь, но благодать Божью потеряешь.

– Кто ты, странник, и от чьего имени говоришь?

– Кто я, скажу тебе, если готов ты следовать предназначению своему, а говорю я от имени Бога, и тех, на кого возложил он ответственность за этот мир, который создал.

– А на кого же возложил Бог ответственность за этот мир?

² Ныне этот остров в Балтийском море называется Рюген.

³ Столица Руяна, в городе находилась крепость и храм бога Световита.

– Бог создал человека по образу и подобию своему, и на человека возложил он ответственность за все, что происходит на этой земле.

– Ты, человек, говоришь со мной, с человеком, от имени людей? – изумился Гаральд.

– Все люди, да не все человеки, – ответил путник. – Человеком становится тот, кто следует предназначению Божьему, и кто готов взять на себя ответственность за этот мир. Скажи, ты готов выполнить то, что предначертано тебе свыше?

– Но я не знаю, что предначертано мне, как я могу ответить?

– Поиск истины – вот твоя судьба.

– Поиск истины? Да, я люблю докапываться до сути вещей, я ведь не просто рисую пейзажи, я ищу суть, я хочу познать истину.

– Тогда скажи, готов ли ты искать истину, если тебе придется ради этого переплывать моря, идти через пустыню, сражаться с теми, кто станет у тебя на пути?

Гаральд посмотрел на путника, на долину, лежащую в своем великолепии перед ним, и тихо сказал:

– Готов.

– Тогда слушай, что расскажу я тебе, – сказал путник, присаживаясь на камень, и показал рукой на валун, лежащий рядом, предлагая Гаральду присесть, из чего следовало, что разговор будет долгим.

– Более трех тысяч лет назад, – начал свой рассказ путник, – жрецы бога Амона в Египте, получив знания, скрыли их от людей, знания дают власть, власть ведающих истину над толпой невежд. Даже с фараонами не делились они тем, что знали сами, власть их была безгранична, и решили они, что людей следует разделить на господ и рабов. Так было сотни, тысячи лет, и захотели они, чтобы было так во веки веков. Но Бог создал людей свободными, и не должны люди никого обращать в рабов и называть господином кого-либо из людей. Бог дал откровение фараону, по имени Эхнатон, и сказал Эхнатон людям, что есть лишь один Бог для всех, живущих на земле, и имя ему – Атон. Он запретил почитать всех других богов, выстроил новый город, Ахетатон, и построил там храм Атона. Высшей ценностью религии Атона была любовь, Эхнатон и его жена, красавица Нефертити, являли собой образец такой любви. Египет во времена Эхнатона не вел ни одной войны.

Но знал фараон, когда он отойдет от власти, жрецы Амона уничтожат новую религию, вернут прежних богов и прежнюю власть. И решил он для спасения новой веры вынести ее за пределы Египта. Для этого выбрал он народ иудейский, который должен был принять и сохранить веру в единого Бога. Пророк из рода фараонов, по имени Ра Мозес, что означает дитя Солнца, должен был возглавить этот народ и увести его в новые земли. В Европе его называют Рамсес, иудеи называли его – Моисей.

Ветхий завет гласит, что Моисея нашла и воспитала семья фараона, но это вымысел. Царская семья никогда не стала бы воспитывать подкидыша, член царской семьи наследует власть, а власть не могут передать тому, в чьих жилах течет чужая кровь. Нет, Моисей был египтянином, он даже с трудом владел иудейским языком, и к нему был приставлен переводчик, Аарон, названный в Ветхом завете его братом, который и сыграл злую роль в судьбе Моисея. К тому времени, как вывел Моисей народ иудейский из Египта, Эхнатона уже не было среди живых. Жрецы Амона отравили его, вернули культ прежних богов и извратили учение, которое Моисей должен был дать людям. Вместе с Моисеем и иудеями тайно ушли и жрецы Амона, назвавшись левитами, они присвоили себе право быть священниками среди иудеев. Они подстрекали народ, оставивший свои жилища и вынужденный скитаться и терпеть лишения, к восстанию против Моисея, участвовал в заговоре и Аарон, сделав золотого тельца, он объявил его богом, который вывел народ иудейский из Египта, и призвал людей молиться идолу.

Моисей, вернувшись с горы Синай после молитвы, был поражен вероломством своего соратника, Аарона, восставшие убили пророка, разбили скрижали с заветами Божьими. Вос-

стание было жестоко подавлено левитами, и место Моисея занял жрец Амона, чтобы народ не заподозрил подмены, он покрывал свое лицо во время беседы с людьми, сославшись на то, что от лица его исходит сияние, которое может напугать людей. Вместо разбитых скрижалей он показал людям новые, на тех, разбитых, было начертано: «Бог – есть любовь», а на тех, что были даны взамен: «Око за око – зуб за зуб».

Прошли века, родился Иисус, пророк, он получил откровение от Бога, чтобы донести истину до людей. Он дал людям Новый завет, но жрецы Амона вновь исказили закон, объявив Христа Богом. Христос учил, чтобы люди не делали себе идолов, а они сделали идолом его. Все Евангелия написаны людьми спустя столетия после того, как Христос учил народ истине, но есть записи слов Иисуса, написанные теми, кто был свидетелем и участником тех событий. Это доклады Антония, ближайшего помощника Понтия Пилата, своему начальнику. Жрецы Амона знают об этих документах, они поведали об их существовании ордену тамплиеров, который служит им. Тамплиеры ищут эти записи, чтобы скрыть от людей истину, которую нес им Христос.

Ты можешь найти эти документы раньше их. Это трудный и опасный путь, скажи готов ли ты пройти его до конца, так, что ни угроза гибели, ни людское забвение не остановят тебя? Посмотри мне в глаза.

Гаральд посмотрел в глаза путника и повторил:

– Я готов, но скажи мне, кто ты?

– Я жрец Атона, потомок одного из тех, кому удалось уцелеть после того, как повержена была истина, которую нес людям Эхнатон. Предки мои, жившие во времена Христа, сохранили документы и оставили тайные знаки, чтобы можно было найти их. Жрецам Амона эти знаки неведомы, ты художник, рисуй места, которые я тебе укажу, и ты найдешь тайные знаки, и отыщешь записи речей Иисуса.

– А потом? Что с ними делать потом?

– Донести до людей истину, которая написана там.

Варавва

Дом, где некогда родился царь Давид, стоял на холме, на окраине Вифлеема. Окруженный высокими стенами, сложенными, как и сам дом, из серого, грубо отесанного камня, выглядел он мрачным и суровым, словно старый воин на склоне лет.

Когда необычной яркости звезда возникла на фоне ночного неба, повиснув над самым домом Давида, трое путников постучали в ворота. На вопрос, кто беспокоит жителей в столь поздний час? Один из них ответил:

– Мы, жрецы, пришли с Востока, ибо видели звезду, которая привела нас сюда. Не здесь ли родился великий вождь, который спасет народ Иудейский от рабства римского, как сказано о том в Писании?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.